
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 89—98
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.8

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 89—98
ББК 72.3(2)5
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.8

НАПЕРЕКОР ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ: РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

О. А. Валькова

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, o-val2@yandex.ru

Рассматривается история научно-исследовательской деятельности российских женщин в конце XVIII — начале XIX в.: историческая обстановка, трансформации в общественном мнении, произошедшие по отношению к «ученым» женщинам. Поддержка научных и литературных занятий женщин, оказывавшаяся Екатериной II, сменилась резко негативным отношением к женщинам, посмеявшимся проявить нескромность и выйти за рамки семейных и материнских обязанностей, после воцарения на российском троне ее внука, Александра I. Однако, несмотря на сконструированный усилиями публицистов и литераторов образ идеальной женщины, российские аристократки продолжали заниматься интересующими их научными исследованиями в различных областях знания. Некоторые демонстрировали свои занятия открыто, другие скрывали ото всех, кроме членов своей семьи. К сожалению, последнее привело к почти полному их забвению, характерному для современной историко-научной литературы.

Ключевые слова: российские женщины-ученые, Е. Р. Дашкова, А. П. Бунина, А. А. Турчанинова, Е. И. Голицына, Е. П. Фадеева.

IN THE TEETH OF PUBLIC OPINION: RUSSIAN WOMEN-SCIENTISTS IN THE LATE XVIII — EARLY XIX c.

O. A. Valkova

S. I. Vavilov's Institute of History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
o-val2@yandex.ru

The article “In the teeth of public opinion: Russian women-scientists in the late XVIII — early XIX c.” is dedicated to the history of Russian women-scientists of the period. Historical background was investigated as well as transformations in public opinion on the matter which took place at the turn of the century. Besides, the author considers different types of such activities.

Support for women interested in science and literature granted by Catherine II was replaced by animosity for everyone daring enough to step out of familial bounds and duties after her grandson Alexander I ascended to the throne. Newly born in 1811—1815 concept of a “learned woman” very soon acquired negative connotation.

Still despite the image of an ideal woman constructed by publicists and writers real-life Russian women of aristocratic origin continued their scientific studies in different areas of knowledge. Among them were naturalists who collected significant natural science collections thanks to the example of princess Dashkova who donated her own collections to the Moscow University. Also there were hostesses of the high-society parlors who invited mathematicians and engineers with the goal to discuss issues of math and philosophy like princess Golitsina. Others hesitated to demonstrate their activities openly and stayed in the background. Sadly this last type of behavior was the main reason that those women had fallen into oblivion not only among their immediate descendants but in the modern literature on the history of science.

Key words: Russian women-scientists, E. R. Dashkova, A. P. Bunina, A. A. Turchaninova, E. I. Golitsina, E. P. Fadeeva.

Последние два десятилетия XVIII в. в России ознаменовались если не расцветом женской образованности и занятий науками, то, по крайней мере, поощрением подобных увлечений со стороны монархии: от назначения княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743—1810) в 1783 г. директором Петербургской академии наук до публикации в 1785 г. типографией Н. Новикова перевода научного труда немецкой естествоиспытательницы М. С. Мериан [Мериан, 1785]; от издания в 1792 г. первого труда российских девушек, посвященного предметам «натуральной истории» [Рассуждения... , 1792], до публичного признания их заслуг Екатериной II [Хвостов, 1830: 121]. Государыня и вслед за ней высшее общество достаточно благосклонно смотрели на упражнения женщин в науках. Подобное положение дел, разумеется, сразу было отмечено посещавшими в этот период Россию иностранцами. Граф Сегюр, например, впоследствии написал: «В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотой, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии» [Сегюр, 1865: 32—33]. Мужчины, как ни странно, в этом сравнении проигрывали: «Между тем мужчины, исключая сотню придворных... большую частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вежливы и, по-видимому, мало знали о том, что происходило за пределами их отечества» [там же].

На этом фоне вполне органично смотрелась публикация в 1793 г. переводной статьи с французского Ф. А. Гартига, озаглавленной «Рассуждение о женщинах и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках» [Гартиг, 1793], в которой автор на основании исторических примеров и логических рассуждений не только приходил к выводу о способности женщин заниматься науками, но и обвинял мужчин в создании препятствий женщинам на этом поприще. «Для чего в то время, когда просвещение со дня на день умножается, они осуждены оставаться во мраке?» — задавал он вопрос. И сам же отвечал: «Для того, что предрассудок воспитания берет верх над самым разумом; для того, что женщины, довольствуясь тем, что могут нравиться прелестями красоты, не радят о продолжительнейших прелестях разума и чувствований; для того, что

большая часть мужчин имеют свои выгоды в том, что препятствуют просвещению их ума, которое бы открыло им их слабости и могло бы предохранить их от оных» [там же: 63—64]. Высказав это неллицеприятное мнение о мужчинах и их роли в жизни женщин, Ф. А. Гартиг с воодушевлением перешел к убеждению дам в том, что занятия науками им просто необходимы для собственного счастья и удовлетворения жизнью, завершив статью пылким призывом к женщинам: «Прелестной и столь часто обманываемый пол... Ежели благополучие ваше вам драгоценно, то упражняйтесь в науках... Матери, внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет» [там же: 70—71].

Однако уже в самом начале XIX в., с приходом в 1801 г. к власти Александра I, ситуация резко изменилась. Ведущие отечественные журналы развернули кампанию (иначе это трудно назвать) с целью донесения до окружающих истинного предназначения женщины и правил, которым она должна следовать, чтобы заслужить одобрение общества. При этом если Ф. А. Гартиг в своих советах руководствовался благом и счастьем женщины, то в публикациях нового века речь шла преимущественно о благе общества, женщина же, по мысли новых идеологов, должна была находить счастье в беспрекословном выполнении своего долга. Таковы, например, статьи, помещенные в «Вестнике Европы» уже в 1802 г.: небольшая анонимная статья «Портрет милой женщины» [Л., 1802], гораздо более объемная сказка знаменитой и любимой в России французской писательницы графини де Жанлис «Женщина-Автор» [Жанлис, 1802] и многие другие. Внезапный интерес к теме подобающего образа жизни женщины был вызван, скорее всего, политическими причинами, не имевшими отношения к женщинам как таковым. Описывая свое пребывание в Петербурге в июле 1802 г. после долгого отсутствия, княгиня Е. Р. Дашкова с возмущением писала: «Каково было мое негодование, когда я услышала, что лица, окружавшие государя и обыкновенно враждовавшие между собой, однако в один голос поносили царствование Екатерины II и внушали молодому монарху, что женщина никогда не сумеет управлять империей. И добавляла: «Я нашла, что Петербург сильно изменился со времени императрицы» [Дашкова, 1985: 205—206]. К сожалению, распространившиеся на рубеже веков взгляды на подобающий и не подобающий образ жизни женщины продолжали неуклонно вызывать высочайшее одобрение на протяжении последующих лет и даже десятилетий; благодаря этой поддержке они постепенно сформировались в устойчивую парадигму «подобающего» социального поведения женщины, принадлежавшей к высшим слоям общества, постепенно, в виде естественного порядка вещей, распространявшуюся далее вниз по социальной лестнице. Они были окончательно закреплены в гениальных произведениях наших великих поэтов в начале 20-х гг. XIX в. Знаменитое грибоедовское «Дались нам эти языки!» или пушкинское «Не дай мне бог сойтись на бале...» вошли в историю русской литературы и, будучи признанными «энциклопедиями русской жизни», определили взгляды не только современников, но и потомков. Идеал женщины, живущей только счастьем своего мужа (которого она не выбирала), полностью подчиняющей себя его интересам, добродетельной до самопожертвования и, главное, скромной, постепенно настолько прижился в литературе, что стал приниматься в обществе за аксиому. Научные

или литературные занятия для удовлетворения личного интереса, для саморазвития, конечно, в этот идеал не вписывались.

Историческая реальность, разумеется, была намного сложнее и ярче искусственно сконструированного идеала, а временами вообще не имела с ним ничего общего. Уже в самом начале XIX в. среди россиянок встречались высокообразованные женщины, не только интересовавшиеся науками, но и активно развивавшие научное знание в самых разных областях — от математики до филологии, от естествознания до философии. Начать можно с того, что девушки-аристократки учились далеко не только «танцам и пенью». Исторические источники сохранили сведения о стремлении женщин этого времени получить всестороннее образование. Документы эти различны: стихи поэтессы, филолога, лингвиста Анны Петровны Буниной (1774—1828) [Грот, 1929: 128—129, 137—186]; записные книжки, тетради и дневник Марии Николаевны Толстой (1790—1830), матери Л. Н. Толстого, среди которых можно найти «Некоторые примечания, ведущие к познанию хлебопашества в сельце Ясной Поляне», «Примечания о математической, физической и политической географии» [Толстой, 1928: 42]; воспоминания современников о гениальном лингвисте и поэтессе, чрезвычайно рано ушедшей из жизни, Елизавете Борисовне Кульман (1808—1825), чьими учителями были доктор права К.-Ф. фон Гросгейнрих, специалист в области геологии и горного дела П. И. Медер, в 1818—1826 гг. командир Горного кадетского корпуса в Санкт-Петербурге... К.-Ф. фон Гросгейнрих подробно описал, с какой скоростью и легкостью Елизавета Кульман изучала новые и древние языки, овладев к своим 17 годам практически всеми известными европейскими. Помимо языков, девушка училась многому другому: «Г. Медер имел двух дочерей, одну ровесницу с Елисаветою, другую годом моложе. Этот достойный отец, окончив свои служебные занятия, остальное время посвящал воспитанию своих дочерей. <...> Ему была обязана Елисавета уроками... ботаники, минералогии, физики и математики, которые он преподавал сам» [Гросгейнрих, 1849: 43—44]. Вполне обычный вечер в семействе Медер описан им следующим образом: «...если господин Медер бывал дома и ничем не занят, он с своими двумя дочерьми и Елисаветою садился за стол и начинал с ними беседу о предметах, касающихся географии, истории и физики, нередко восходил со своими юными слушательницами на высоты астрономии или углублялся в таинства геологии» [там же: 128]. Биограф Е. Кульман А. В. Никитенко, небезызвестный впоследствии цензор и мемуарист, писал со слов людей, ее знавших: «Учась естественной истории, она часто посещала богатый минералогический кабинет в Горном корпусе» [Никитенко, 1835: 49].

Все эти занятия, конечно, не могли не находить хоть какого-то выхода (хотя старшее поколение дам продолжало показывать примеры «подобающего» поведения, усвоенного еще в XVIII в.). В той же самой периодической печати, которая прославляла покорных и скромных женщин, одновременно с этим можно найти, например, следующее объявление, приглашавшее всех желающих на публичные лекции в Московский университет в 1803/04 учебном году: «Почтеннейшие любители и любительницы наук, кому только благоугодно будет, сим приглашаются к удостоению оных лекций своим присутствием» [Начертание... , 1803: 290]. Среди преподававшихся предметов перечислялись: опытная

физика, натуральная история, экономика, история средневековой Европы. И, как засвидетельствовал журналист, московские дамы вполне благосклонно откликнулись на приглашение: «Счастливые избрание предметов для сих публичных лекций доказываются числом слушателей, которые в назначенные дни собираются в университетской зале. Любитель просвещения с душевным удовольствием видит там знатных московских дам, благородных молодых людей, духовных, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания, которые в глубокой тишине и со вниманием устремляют глаза на профессорскую кафедру» [О публичном преподавании наук... , 1803: 263—264].

В 1807 г. «Московские ведомости» с глубочайшим уважением опубликовали известие о том, что княгиня Е. Р. Дашкова принесла в дар Московскому университету свою обширную коллекцию предметов натуральной истории и ценную библиотеку, называя подаренное не иначе как «драгоценное собрание, к составлению которого ее сиятельством употреблено более тридцати лет и к приращению которого содействовали царствовавшие высочайшие особы: Иосиф II, император римский, курфюрст саксонский, король шведский, великий герцог Тосканский — и многие другие» [Московские ведомости, 1807: 258]. Стоимость подарка оценивалась в 50 000 рублей. Надо заметить, что Е. Р. Дашкова не была ни первой, ни единственной дамой, завещавшей ценные научные предметы, библиотеку или деньги университетам и на благо развития образования. Такие примеры были известны еще в XVIII в. [Чулков, 1997: 215]. В 1803 г. журнал «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» рассказывал, например, что 12 декабря 1802 г. «вдовствующая действительная тайная советница графиня Л'Есток, урожденная баронесса фон Менгден» прислала письмо в Дерптский университет, в котором сообщала, что назначает 15 000 рублей серебром в пользу учащихся этого университета [Периодическое сочинение... , 1803: 81—82]. Графиня Мария Аврора Лесток (1720—1808) не только завещала Дерптскому университету значительную сумму денег, но и передала ему замечательную библиотеку своего супруга. Подобные факты «женских дарений», имевших значительную научную и образовательную ценность для российских университетов, можно встретить на протяжении всего XIX в.

К 1811—1815 гг. употребленное в различных контекстах словосочетание «ученая женщина», «ученая дама» или просто определение «ученая», высказанное по отношению к женщине, становится вполне привычным и часто встречаемым на страницах отечественных журналов. Можно предположить, что эти определения пришли на страницы периодических изданий из повседневной жизни, что журналисты в данном случае отреагировали на возникновение уже заметного в обществе явления, а именно женщин, открыто интересовавшихся различными науками. Молодые образованные женщины, принадлежавшие, как правило, не просто к дворянскому сословию, а к высшим слоям аристократии, несмотря на неоднозначное отношение общества, не только интересовались науками, но даже и не стремились скрывать свои интересы. Благородная барышня Анна Александровна Турчанинова (1774—1848) осмелилась, например, в 1803 г. опубликовать работу философского содержания «Натуральная этика, или Законы нравственности, от созерцания природы непосредственно происходящие» [Натуральная этика... , 1803], а через несколько лет, в 1817 г.,

вышла другая ее публикация — «Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de M-lle Tourtchaninoff» («Философские письма месье Фонтена и мадемуазель Турчаниновой») [Lettres... , 1817]. Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель, познакомившийся с Турчаниновой в Киеве будучи подростком, писал о ней и ее увлечениях науками: «Не имея еще двадцати лет от роду, она избегала общества, одевалась неряхую, занималась преимущественно математическими науками, знала латинский и греческий языки, собиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у нас ее знали под именем философки» [Вигель, 2003: 107]. В 20-х гг. XIX в. А. А. Турчанинова приобрела широкую, но сомнительную и скоротечную известность в петербургских великосветских кругах как магнетизерша, излечивавшая взглядом. Ровесница Турчаниновой Анна Бунина, о которой мы упоминали выше, не прославилась ничем скандальным, была принята при дворе, жила в основном на стипендии, предоставленные ей различными членами императорской семьи, пользовалась успехом в обществе [Стогов, 1879: 52]. При этом она серьезно занималась филологией и теорией литературы. В 1808 г. А. П. Бунина перевела с французского и опубликовала работу аббата Ш. Баттё «Правила поэзии», добавив к ней сведения о российском стихосложении [Баттё, 1808], представлявшие собой серьезное и самостоятельное исследование.

Моложе Буниной и Турчаниновой всего на 6 лет, княгиня Евдокия Ивановна Голицына (1780—1850) собирала в своем знаменитом салоне не только литераторов и людей светских, но и ученых. В нем бывали математик, академик Петербургской академии наук М. В. Остроградский, профессор Московского университета, также математик, Н. Д. Брашман, известный инженер в чине генерала М. Дестрем, профессор и директор Института путей сообщения, генерал-лейтенант П.-Д. Базен. Разговоры велись на темы математические и философские. Биограф Е. И. Голицыной писал: «Не только пламенная душа великого поэта находила для себя живительную среду в обществе княгини Евдокии Ивановны, но и строгие ученые того времени» [С. Д., 1891: 157]. Под великим поэтом подразумевался, конечно, А. С. Пушкин, посвятивший Голицыной незабываемые стихи. Результатом всех этих бесед стала первая математическая книга, написанная русской женщиной, правда по-французски, и опубликованная в России в 1835 г. — «De l'analyse de la force» («Анализ силы») [Golitsina, 1835]. Е. И. Голицына, однако, пошла значительно дальше простой публикации. 14 августа 1835 г. она собственноручно написала в Конференцию Петербургской академии наук, попросив дать отзыв на ее сочинение. Почтенное академическое собрание пришло в растерянность от подобного обращения и долго тянуло с ответом. В конце концов академики были вынуждены отнестись к просьбе серьезно, назначить рецензентов из своего круга и затем обсуждать сочинение княгини [Протоколы... , 1835: 90]. Правда, ничего одобрительного о ее работе они сказать не захотели, что, в свою очередь, не обескуражило Голицыну и не помешало ей напечатать продолжение книги, а затем выпустить второе ее издание, уже в Париже, и третье — в Лондоне, на английском языке.

Е. И. Голицына ни в коей мере не скрывала своих научных интересов и занятий и заслужила этим весьма язвительные отзывы светского общества, как, например, замечание П. А. Вяземского: «...в последние годы жизни своей княгиня

пустилась в высшую математику, соединенную с еще высшею метафизикою. Эти занятия признавала она каким-то наитием свыше. Она никогда к ним не готовилась и разрешала многотрудные задачи, так сказать, бессознательно и неведомо от себя» [Вяземский, 1875: 4].

Подобное отношение вполне типично. Уже в начале 1810-х гг. словосочетание «ученая женщина» перестало быть нейтральным. Так, оставшийся анонимным автор статьи «О учености прекрасного пола» в 1811 г. задавался вопросом: «Удивительно, почему прилагательное “ученый” — в женском роде — щекотливо для уха мужчин?..» [О учености... , 1811: 42]. К 20-м гг. XIX в. (возможно, и ранее) сочетание слов «ученая» и «женщина» приобрело неодобрительный оттенок. Например, филолог-лингвист барон А.-А. Мериан, постоянный консультант и корреспондент княгини Зинаиды Александровны Волконской (1792—1862), увлекшейся изучением славянских древностей и встретившей неодобрение общества, писал ей предположительно в 1825 г.: «Да не охладит стужа, которая Вас теперь окружает, Вашего усердия к истории и языкам! Храни Вас Господь от досадного положения ученой женщины, оставьте его дурнушкам...» (цит. по: [Сайкина, 2005: 23—24]). А. В. Никитенко, завершая биографию умершей в 17 лет Елизаветы Кульман, пошел еще дальше, написав: «Нет! Это была не ученая женщина: может быть, она должна была и умереть, чтобы не сделаться ею» [Никитенко, 1835: 77].

Неудивительно, что находились женщины, не стремившиеся к славе подобного рода и не спешившие афишировать свои необычные и не поощрявшиеся общественной моралью увлечения, даже если они пользовались поддержкой своих семей. Именно такой путь выбрала естествоиспытательница, художница-ботаник, создательница известного в Европе кабинета натуральной истории Елена Павловна Фадеева (1788—1860), урожденная княжна Долгорукая. Только после ее смерти семья решила обнародовать эту сторону жизни Е. П. Фадеевой — жены, мамы, бабушки. Жизни, хорошо знакомой многим европейским и некоторым российским ученым, с которыми она встречалась, состояла в регулярной переписке, обменивалась экспонатами коллекций [Елена Павловна Фадеева, 1860: 426]. Красочнее всех написала об этой «двойной» жизни Фадеевой ее внучка, известная детская писательница В. П. Желиховская: «Е. П. Фадеева, при всех своих глубоких знаниях и ученых занятиях, была так непритязательна в обращении, так искренна и обходительна со всеми, что многие простые смертные, знавшие ее по годам за ласковую, веселую собеседницу, иные — за прекрасную хозяйку, другие — за хорошую рукодельницу, все — за добрую помощницу, всегда готовую услужить и советом, и делом, часто и не подозревали ее глубоких знаний и ученой деятельности. И наоборот: не раз люди науки, хорошо знакомые с ее кабинетом и разнообразными коллекциями, открывали в изумлении рты, когда нянька вызывала ее покормить ребенка или являлась ключница за наставлениями... Потому-то и сказала я, что мало кто знал ее вполне» [Желиховская, 1887: 765]. Именно из-за подобного строгого разделения жизни имя Фадеевой известно в западноевропейской научной литературе и практически забыто на родине. «Роббер де Гель в своих сочинениях (les steppes de la mer Caspienne, la Crimée et la Russie méridionale, le Caucase и пр.) многократно упоминает о ней как о замечательно ученой особе, во многом

руководившей им в его изысканиях, — пишет В. П. Желиховская. — Lady Stanhope, известная английская путешественница (изъездившая весь мир в мужском костюме), в одном из сочинений своих о России говорит о ней, что встретила в этой варварской стране с такой удивительно ученой женщиной, которая прославилась бы в Европе, если б не имела несчастья проживать на берегах Волги, где мало кто может понять ее и никто не в состоянии ее оценить...» [там же: 764].

Можно предположить, что Фадеева была не одинока в своем выборе, предпочитая заниматься любимым делом без огласки, для себя, доверяя только очень узкому кругу друзей. Внимательное изучение литературных источников, периодической печати отчетливо свидетельствует о том, что в конце XVIII — первой четверти XIX в. в России жили женщины, вполне профессионально занимавшиеся научными исследованиями. Однако общественная мораль не позволяла им увлекаться этим открыто, если они не хотели бросить тень на свою семью и расстаться с репутацией порядочного члена общества. Грустно признавать, но за прошедшие с тех пор два столетия российская история науки не сделала почти ничего, чтобы вернуть миру их имена и, возможно, достижения. Это все еще задача будущего.

Библиографический список

- Баттё Ш.* Правила поэзии / сокр. пер. А. П. Буниной, с присовокуплением российского стопосложения. СПб., 1808. 179 с.
- Вигель Ф. Ф.* Записки: в 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. 752 с. (Биографии и мемуары).
- Вяземский П. А.* Princess Nocturne = Княгиня Ночная: из старой записной книжки. М.: Тип. Грачева и К°, 1875. 8 с.
- Гартиг [Ф. А.].* Рассуждение о женщинах и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках / пер. с фр. М. Вышеславцева // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11, № 62. С. 50—72.
- Гросгейнрих К.* Елисавета Кульман и ее стихотворения. СПб., 1849. 155 с.
- Грот К. Я.* Поэтесса Анна Петровна Бунина: (к 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.). С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 12. Л. 128—186.
- Дашкова Е. Р.* Записки, 1743—1810. Л.: Наука, Ленингр. отд.-ние, 1985. 288 с.
- Елена Павловна Фадеева: биографический очерк // Кавказ. 1860. № 72. С. 426.
- Жанлис де.* Женщина-Автор // Вестник Европы. 1802. Ч. 5, № 20. С. 250—251.
- Желиховская В. П.* Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835—1842 гг. // Русская старина. 1887. Март. С. 733—766.
- Л.* Портрет милой женщины // Вестник Европы. 1802. Ч. 1, № 1. С. 56—59.
- Мериан М. С.* Суринамские насекомые // Прево [А.-Ф.] История о странствиях вообще по всем краям земного круга. М., 1785. Ч. 13. С. 511—562.
- Московские ведомости. 1807. № 39. 15 мая. С. 258.
- Натуральная этика, или Законы нравственности, от созерцания природы непосредственно проистекающие / пер. с лат. А. Турчаниновой. СПб., 1803.
- Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной московской публики // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 3. С. 290.
- Никитенко А.* Елисавета Кульман // Библиотека для чтения. СПб., 1835. Т. 8. С. 39—83.

- О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 23—24. С. 263—264.
- О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № 7, ч. 2. С. 42.
- Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1803. № 1. С. 81—82.
- Протоколы Конференции Академии наук, 1835 г. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 52. Л. 90.
- Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств / пер. А. М. Волконской, Е. М. Волконской. СПб., 1792. Ч. 1—2.
- С. Д. Княгиня Е. И. Голицына // Русский архив. 1891. № 1. С. 152—160.
- Сайкина Н. В. Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М.: Наука, 2005. 297 с.
- Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. 386 с.
- Стогов Э. Очерки, рассказы и воспоминания. [Ч.] 6: П. Н. Семёнов и А. П. Бунина // Русская старина. 1879. Т. 24, № 1—4. С. 49—55.
- Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого: очерки жизни, дневники, записки и письма по неизданным материалам. М.: Федерация, 1928. 152 с.
- Хвостов Д. И. Дополнения к изданным материалам для истории русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Т. 30, № 21. С. 121.
- Чулков Н. Голицына, княгиня Евдокия Ивановна // Русский биографический словарь: неопубликованные материалы: в 8 т. М.: Аспект-пресс, 1997. Т. «Гоголь — Гюне». С. 213—215.
- Golitsina E. De l'analyse de la force. St. Petersburg, 1835. Liv. 1, pt. 1.
- Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de M-lle Tourtchaninoff. Paris, 1817.

References

- Battë, Sh. (1808) *Pravila poëzii* / Sokrashchënnÿy perevod A. P. Buninoï s prisovokupleniem rossiïskogo stoposlozheniia [Rules of poetry / shortened translation by A. P. Bunina with the addition of Russian versification], St. Petersburg.
- Chulkov, N. (1997) Golitsina, kniaginia Evdokiia Ivanovna [Golitsina, prinsess Evdokiia Ivanovna], in: *Russkiï biograficheskiï slovar': Neopublikovannnye materialy*: in 8 vols, vol. "Gogol' — Giune", pp. 213—215.
- Dashkova, E. R. (1985) *Zapiski, 1743—1810* [Memoirs, 1743—1810], Leningrad: Nauka.
- Elena Pavlovna Fadeeva: Biograficheskiï ocherk (1860) [Elena Pavlovna Fadeeva: Biographical essay], *Kavkaz*, no. 72, p. 426.
- Gartig, [F. A.] (1793) Rassuzhdenie o zhenshchinakh i o vygodakh, kotorye poluchili by oni ot uprazhneniia v naukakh [Arguments about women and the benefits they would receive from the exercises in the sciences], *Chtenie dlia vkusa, razuma i chuvstvovaniï*, no. 62, pp. 50—72.
- Golitsina, E. (1835) *De l'analyse de la force*, liv. 1, pt. 1, St. Petersburg.
- Grosgeïnrïkh, K. (1849) *Elisaveta Kul'man i eë stikhotvoreniia* [Elisaveta Kulman and her poems], St. Petersburg.
- Hvostov, D. I. (1830) Dopolneniia k izdannym materialam dlia istorii Russkikh zhenshchin-avtorov [Additions to the published materials for the history of Russian women-authors], *Damskiï zhurnal*, vol. 30, no. 21, p. 121.
- L. (1802) Portret miloi zhenshchiny [Portrait of a lovely lady], *Vestnik Evropy*, vol. 1, no. 1, pp. 56—59.
- Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de M-lle Tourtchaninoff* (1817), Paris.

- Merian, M. S. (1785) Surinamskie nasekomye [Surinamese insects], in: Prevo, A.-F. *Istoriia o stranstviakh voobshche po vsem kraiam zemnogo kruga*, pt. 13, pp. 511—562.
- Nachertanie o novouchrezhdaemom pri Imperatorskom Moskovskom universitete prepodavanii nuzhneishikh i polezneishikh nauk dlia pochtennoï Moskovskoï publiki (1803) [Note about newly created curriculum in Moscow University which consists of most needed sciences for the esteemed Moscow public], *Periodicheskoe sochinenie o uspekakh narodnogo prosveshcheniia*, no. 3, p. 290.
- Natural'naia étika, ili Zakony npravstvennosti, ot sozertsaniia prirody proistekaiushchie* (1803) [Natural ethics and the laws of morality born from the contemplation of nature], St. Petersburg.
- Nikitenko, A. (1835) Elisaveta Kul'man [Elisaveta Kulman], *Biblioteka dlia chteniia*, vol. 8, pp. 39—83.
- O publicnom prepodavanii nauk v Moskovskom universitete (1803) [About public teaching in Moscow University], *Vestnik Evropy*, no. 23—24, pp. 263—264.
- O uchenosti prekrasnogo pola (1811) [About learning of beautiful gender], *Uleï*, no. 7, pt. 2, p. 42.
- Rassuzhdeniia o raznykh predmetakh prirody, nauk i khudozhestv* (1792) [Discourse about different matters of nature, sciences and art], vol. 1—2, St. Petersburg.
- S. D. (1891) Kniaginia E. I. Golitsina [Princess E. I. Golitsina], *Russkii arkhiv*, no. 1, pp. 152—160.
- Saïkina, N. V. (2005) *Moskovskii literaturnyi salon kniagini Zinaidy Volkonskoï* [Moscow literary parlor of princess Zinaida Volkonskaia], Moscow: Nauka.
- Segiur, L. F. (1865) *Zapiski grafa Segiura o prebyvanii ego v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785—1789)* [Notes of count Seguir about his stay in Russia during the reign of Catherine II (1785—1789)], St. Petersburg: Tipografiia V. N. Maïkova.
- Stogov, E. (1879) Ocherki, rasskazy i vospominaniia [Essays, stories and memoirs], *Russkaia starina*, vol. 24, no. 1—4, p. 49—55.
- Tolstoy, S. L. (1928) *Mat' i ded L. N. Tolstogo: Ocherki zhizni, dnevniki, zapiski i pis'ma po neizdannym materialam* [L. N. Tolstoy's mother and grandfather: Previously unpublished stories of life, diaries, notes and letters], Moscow: Federatsiia.
- Viazemskii, P. A. (1875) *Princess Nocturne = Kniaginia Nochnaia: Iz staroi zapisnoi knizhki* [Princess Nocturne: From the old note-book], Moscow: Tipografiia Grachëva i K^o.
- Vigel', F. F. (2003) *Zapiski* [Memoirs]: in 2 vols, vol. 1, Moscow: Zakharov.
- Zhanlis de (1802) Zhenshchina-Avtor [Woman-Author], *Vestnik Evropy*, vol. 5, no. 20, pp. 250—251.
- Zhelikhovskaia, V. P. (1887) Elena Andreevna Gan, pisatel'nitsa-romanistka v 1835—1842 gg. [Elena Andreevna Gan, writer-novelist in 1835—1842], *Russkaia starina*, March, pp. 733—766.

Статья поступила 01.10.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Валькова Ольга Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия, o-val2@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Senior Research Fellow, Vavilov's Institute of History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).